

Влияние перемен периода перестройки на становление политических систем стран Центральной Азии: чувство угрозы и авторитаризм

Томохико Уяма, Университет Хоккайдо, Саппоро, Япония

Адрес для связи: uyama@slav.hokudai.ac.jp

АННОТАЦИЯ

Автор, адаптируя концепцию «эффекта колеи» и тезис Д. Слейтера о консолидации элит вокруг общенациональных угроз, исследует факторы, влиявшие на формирование в странах Центральной Азии различных авторитарных политических систем. Критическую роль в становлении политических систем в этом регионе играли события с середины 1980-х гг. до распада Советского Союза. Что касается структуры исследования, в статье последовательно разбирается, как межнациональные и другие политические конфликты продемонстрировали (не)способность лидеров справляться с кризисными ситуациями. В частности, показывается, что неспособность противостоять политическим вызовам в Киргизии положила начало «плюрализму по умолчанию». Вмешательство союзного центра в кадровый вопрос в республиках, особенно в Узбекистане и Казахстане, нанесло ущерб местным элитам и повысило общее чувство угрозы для политической стабильности, которое в конечном счете сплотило элиты и породило у них ожидания сильного лидера. Там, где новый национальный лидер воспринимал угрозы со стороны своих политических конкурентов (в Узбекистане), установилась особенно жесткая вертикаль власти. Напротив, существование сильной оппозиции мешало быстрому установлению авторитаризма. Так, в Таджикистане раскол элиты привел к гражданской войне, но вследствие большей устойчивости ее правительственного крыла президенту страны удалось впоследствии установить жесткую авторитарную власть. В Туркменистане лидер страны воспользовался отсутствием угроз для установления диктатуры. Таким образом, внешние вызовы способствуют сплочению элит, а риски внутренней конкуренции – сосредоточению власти в руках авторитарного лидера. Напротив, умеренные, но продолжительные угрозы раскалывают элиты и приводят к образованию относительно демократичной, но нестабильной системы государственной власти.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Центральная Азия, Перестройка, конфликты, сплоченность элиты, восприятие угроз, эффект колеи, авторитаризм

Почему авторитарные государства Центральной Азии авторитарны по-разному? В научной литературе остается нерешенной проблема, почему в постсоветских странах, обретших независимость от общего государства, сложились разные политические системы с различной степенью демократического устройства. В 1990-е гг. исследователи говорили о трудности демократизации в многонациональных государствах, где имеются этнические конфликты¹. Но последующая история показала, что Грузия и Республика Молдова, имеющие проблемы сецессионных образований, стали успешнее в деле демократизации, чем многие другие постсоветские страны. Оказалось, что национальный вопрос напрямую не влияет на уровень демократии. Позже исследователи обращались к анализу соотношений уровня демократии и исторических, экономических и социально-культурных факторов, но результаты такого анализа остаются неубедительными². Что касается государств Центральной Азии, то некоторое время назад становление их недемократических режимов объяснялось наличием сильных клановых и местных связей³, однако значение этих связей часто преувеличивалось.

По прошествии времени после обретения независимости становится более заметным влияние многообразия факторов на политическую систему и практику государств постсоветского пространства. Исследователи изучают такие последствия перехода к квазирыночным вариантам экономики (или «кумовскому капитализму»), как коррумпированные выборы, политическая мобилизация масс элитами, произвольный контроль чиновниками экономических ресурсов. Они также исследуют структуру президентской власти, в том числе динамику развития партий⁴.

В настоящей статье утверждается, что исторические факторы также существенно влияют на политическое устройство современных центральноазиатских государств. Уже сразу после обретения независимости стала заметной разница между подходами к строительству новых политических систем в постсоветских странах. В научной литературе уделяют достаточно большое внимание наследию советского и даже досоветского периодов, в том числе недемократической политической культуре, «патронализму»⁵ и клановости, однако тема влияния ситуации накануне распада Советского Союза на становление политических систем постсоветских государств остается нераскрытой.

В современных работах по политической истории подробно излагаются события, произошедшие в советских республиках в последние годы существования СССР, но их долгосрочное влияние на политику постсоветских государств редко систематически анализируется. Такие исследования были бы особенно актуальными в свете концепции «эффекта колеи» (*path dependence*): ситуация в критический момент (*critical conjuncture*) и принятые тогда решения оказывают определяющее влияние на траекторию дальнейшего развития определенной системы. Процесс распада СССР мы считаем именно таким критическим моментом.

Одним из немногих исследователей, непосредственно изучавших влияние политической ситуации во время распада Союза на переход (или отсутствие та-

1 Linz and Stepan 1996, chaps 2, 19.

2 Fish 1998; Pop-Eleches 2007.

3 Collins 2006; Jones Luong 2002.

4 Sharafutdinova 2010; Radnitz 2010; Markowitz 2013; Isaacs 2011.

5 Hale 2015.

кового) в постсоветских странах к демократии, является М. Макфол. С его точки зрения, в странах, где демократы обладали решающим влиянием, появилась демократия; в то же время в странах, в которых диктаторы сохраняли преимущество, установилась диктатура. Наконец, в странах, где распределение сил между старым режимом и его противниками было относительно равным, возникала затяжная конфронтация¹. М. Макфол, однако, не объясняет причину, почему в одних странах изначально были сильны условные «демократы», а в других – «диктаторы»; также из его исследовательского поля выпадают некоторые важные тенденции: почему мы часто сталкиваемся с эволюцией достаточно многих «демократов» в «диктаторов»? Наконец, мало изучается и многообразие самих постсоветских «диктатур».

Концепция «эффекта колеи» своеобразно применялась к региону Центральной Азии Э. МакГлинчи². Он считает, что в позднеперестроечный период (не) вмешательство Москвы в избрание лидеров республик стало одной из причин, повлиявших на институциональное становление центральноазиатских республик: «инсценированный Москвой приход И. Каримова и Н. Назарбаева к власти позволил им вступить в постсоветский период со сплоченной и исполнительной единой партией», тогда как в Киргизии, где Москва не вмешивалась в выбор нового руководителя, было положено начало политическому «хаосу»³. В его работе, однако, недостаточное внимание уделено вопросу, каким образом вмешательство Москвы сплотило компартии в Узбекистане и Казахстане; автор лишь намекает, что лидеры республик смогли возродить патроналистское правление брежневского периода⁴.

Пример более продуктивного применения концепции «эффекта колеи» можно найти в исследованиях других регионов мира, в частности, в работе Д. Слейтера о Юго-Восточной Азии после Второй мировой войны. Он отмечает, что в Малайзии и Сингапуре на фоне межэтнических конфликтов произошла классовая борьба за радикальное перераспределение богатства, что привело к консолидации элит против общей угрозы. Это подготовило почву для роста авторитарных режимов, покровительствующих элитам. Наоборот, в Таиланде, Южном Вьетнаме и на Филиппинах классовые конфликты были умеренными или локализованными в сельских местностях, отчего элита не смогла консолидироваться и долго продолжалось внутриэлитное противостояние. А в Бирме и Индонезии борьба с региональными восстаниями усилила влияние армии, которая позднее захватила власть. Автор заключает, что сильное авторитарное государство выстраивается, когда коалиция элит объединяется против угрозы оппозиционного движения в крупных городах или важных регионах и нуждается в защите сильной властью⁵.

В отличие от Юго-Восточной Азии после Второй мировой войны, в постсоветских странах не было острой классовой борьбы. Армия, как правило, не выступала самостоятельной политической силой благодаря сложившейся в СССР

1 McFaul 2002.

2 McGlinchey 2011.

3 Ibid., 10.

4 Ibid., 71.

5 Slater 2010.

традиции ее подчинения политической власти. Однако, можно предположить, что накануне и после распада СССР восприятие угрозы своей власти руководителями республик и местными элитами было важным фактором, определявшим курсы строительства политических систем новых независимых государств.

В данной статье мы проведем «инвентаризацию» факторов, повлиявших на строительство политических систем стран Центральной Азии – характер кризисов, восприятие угроз и степень сплоченности (раздробленности) местных элит накануне распада СССР. Хронологически мы охватим в основном период Перестройки (1985–1991), но коснемся и событий за два-три года до ее начала: цепи событий, которые косвенно способствовали развитию центробежных сил в Советском Союзе начались уже тогда. Также будут рассмотрены события, ставшие следствием распада СССР, например, гражданская война в Таджикистане. Тематически мы уделим особое внимание кадровым проблемам и межнациональным конфликтам.

Рецентрализация, лигачевские кадры и угроза местным элитам

Исследователи Центральной Азии советского периода справедливо отмечают, что в СССР эпохи Л. Брежнева наблюдалось состояние, называемое «квазинезависимостью» или «предварительным этапом независимости» союзных республик¹: политическим элитам республик была предоставлена некоторая степень автономности, особенно в кадровом вопросе, при условии сохранения лояльности Москве. Но эта автономность не была четко институционализирована, и экономические рычаги власти во многом контролировались союзным центром. После смерти Л. Брежнева в 1982 г. Москва существенно усилила контроль над республиками, активно вмешиваясь в кадровый вопрос. На наш взгляд, именно такая попытка рецентрализации в конечном счете запустила механизм трансформации автономности в независимость.

Первой мишенью для вмешательства центра стал Узбекистан, где прокуроры, присланные из Москвы, разоблачили приписки при поставках хлопка, взяточничество и другие злоупотребления («хлопковое дело»). После того как первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Ш. Рашидов внезапно скончался в октябре 1983 г., его преемником был избран И. Усманходжаев. Кандидатура последнего была навязана Москвой: когда при предварительном обсуждении члены бюро ЦК называли двух других кандидатов, второго секретаря позвали к телефону, а вернувшись, он объявил, что Москва предлагает избрать И. Усманходжаева². Тем самым автономность местных коммунистов была существенно сокращена.

Инициатором разоблачения злоупотреблений власти на местах и рецентрализации контроля над местными элитами был Е. Лигачев, который в 1983 г. стал заведующим отделом организационно-партийной работы ЦК КПСС (до 1985) и секретарем ЦК КПСС. После прихода к власти М. Горбачева в 1985 г. первые секретари ЦК компартии центральноазиатских республик, работавшие при Л. Брежневе и пользовавшиеся определенной поддержкой местных элит, были

1 Carlisle 1991, 94; Chida 2014, 72.

2 Ризаев 1992, 197.

сняты. Так, в конце 1985 г. в Киргизии А. Масалиев стал первым секретарем вместо Т. Усубалиева, в Туркменистане – С. Ниязов вместо М. Гапурова, а в Таджикистане – К. Махкамов вместо Р. Набиева. А. Масалиев и С. Ниязов имели близкие отношения с Е. Лигачевым¹.

Смещение первых секретарей и других должностных лиц в этих республиках было явно не по душе многим представителям местных элит, но недовольство проявилось не сразу. А в Казахстане беспрецедентное за последние десятилетия назначение вызвало резкую реакцию не только среди элиты, но и среди масс: в декабре 1986 г. после вынужденной отставки Д. Кунаева первым секретарем был избран Г. Колбин. Кандидатуру этого опять же близкого Е. Лигачеву человека, который никогда не работал в Казахстане, выставила Москва, не опросив представителей казахстанской элиты. Это спровоцировало масштабные протесты, в первую очередь в Алма-Ате. Там участники митингов называли имена людей, которые, по их мнению, были достойными кандидатами на должность первого секретаря². Но митинги были разогнаны, после чего началась кампания против «казахского национализма». В ней вынуждены были участвовать представители казахской политической и культурной элиты.

Итак, попытка консолидации вертикали власти после смерти Л. Брежнева, особенно в первые годы правления М. Горбачева, ослабила позиции местных элит в Центральной Азии. Примечательно, что чувство угрозы было вызвано не массовыми движениями, угрожающими режиму, а действиями центральной власти. Сильнее всего были задеты позиции элит в Узбекистане и Казахстане. В связи с «хлопковым делом» в Узбекистане множество должностных лиц было арестовано, уволено или перемещено на другие должности. 40 из 65 секретарей обкомов партии были сняты до января 1985 г., а в 1986 г. только 34 из прежних 177 членов ЦК КП Узбекистана были переизбраны³. Даже И. Усманходжаев был обвинен в коррупции и освобожден от должности первого секретаря ЦК в январе 1988 г. В то же время массовое увольнение руководителей органов власти породило нехватку кадров, и привезенные извне или срочно выдвинутые кадры, естественно, не смогли восполнить образовавшийся пробел. Уже в 1987 г. местные партийные руководители начали критиковать неэффективную кадровую политику. В узбекскую прессу также стали доноситься голоса, что «хлопковое дело» несправедливо называли «узбекским делом», ведь коррупционные схемы охватывали и Москву⁴. Начался процесс консолидации элиты на основе национальных чувств.

Казахской элите, задетой кампанией против «казахского национализма», Москва навязала чужого человека в качестве руководителя республики, однако должностей лишились в основном выходцы из южных областей, считавшиеся приближенными Д. Кунаева, а многие известные руководители из числа казахов сохранили свои позиции⁵. Очевидно, Г. Колбин не мог управлять незнакомой

1 О том, что А. Масалиева продвигал Е. Лигачев, см.: Усубалиев 1996, 86; Collins 2006, 116. С. Ниязов работал непосредственно в подчинении Е. Лигачева в качестве инструктора отдела организационно-партийной работы ЦК КПСС.

2 Подробнее о декабрьских событиях в Казахстане см.: Желтоқсан-86 2006.

3 Carlisle 1991, 114–115.

4 Critchlow 1991, 144–150.

5 Chida 2004, 41–48.

ему республикой без опоры на местную элиту. Поэтому можно предположить, что угроза из центра стала, скорее всего, консолидирующим фактором сплочения казахской элиты.

Далее мы рассмотрим межнациональные и внутриэлитные конфликты в каждой центральноазиатской республике в позднеперестроечный период, а также влияние таких конфликтов на политику государств в годы независимости.

Узбекистан: межнациональный конфликт, уязвимая исходная позиция И. Каримова и установление жесткой вертикали власти

В 1988 г. в Советском Союзе произошли изменения, оказавшие существенное влияние на отношения между центром и республиками: в руководстве случился раскол между сторонниками радикальной перестройки и консерваторами, к ним в том числе относился и Е. Лигачев. Лидеры республик начали усиленно искать свое место в условиях подобного раскола. Усиление национальных движений и обострение межнациональных отношений в ряде регионов Союза вынудили политических руководителей в центре и республиках занять недвусмысленную позицию по национальному вопросу. В частности, в Центральной Азии до 1989 г. ситуация была относительно спокойной, однако вскоре политические и межнациональные противостояния начали назревать и в этом регионе.

Первый крупный межнациональный конфликт в Центральной Азии произошел в Ферганской области Узбекистана в мае – июне 1989 г. Стычки между турками-месхетинцами и узбеками переросли в крупные столкновения и поджоги, а после вылились в нападение на здание обкома компартии. Р. Нишанов, сменивший И. Усманходжаева на посту первого секретаря ЦК КП Узбекистана в предыдущем году, не проявил инициативы для разрешения конфликта. Его отставка в связи с избранием председателем Совета Национальностей Верховного Совета СССР была предreshена до разгара беспорядков, но было ясно, что его преемником должен стать человек, способный нормализовать ситуацию после ферганских событий.

Есть несколько версий о том, кто и почему выдвинул на этот пост И. Каримова, до этого занимавшего не самую видную должность первого секретаря Кашкардарьинского обкома партии, однако многие исследователи сходятся во мнении, что его фактически выбрали (или, по крайней мере, поддержали при выдвижении) представители элит из главных регионов Узбекистана. Можно предположить, что к этому времени узбекские элиты восстановили некоторую сплоченность и автономность, и Москва должна была учитывать их мнение¹.

Вступив в должность первого секретаря ЦК КП Узбекистана 23 июня 1989 г., И. Каримов должен был заняться не только нормализацией постконфликтной ситуации, но и укреплением своей позиции. Ему угрожало набиравшее популярность оппозиционное движение «Бирлик», которое еще больше усилило свое

1 См. подробнее: Collins 2006, 122–123; Каримов, Ислам. Президент Республики Узбекистан // Lenta.ru. [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/lib/14160040/full.htm> (дата обращения: 07.04.2021). По собственным воспоминаниям И. Каримова, когда его пригласили на заседание Политбюро ЦК КПСС для обсуждения его кандидатуры, начались придирки со стороны Е. Лигачева, и И. Каримов ушел с заседания, но все же Москва санкционировала его выдвижение (Левитин 2001, 36–37).

присутствие в стране во время ферганских событий. И. Каримов некоторое время относился к оппозиции толерантно, принимая отдельные ее требования по языковым и историко-культурным вопросам, что позволило ему повысить легитимность в глазах общественности. В то же время И. Каримов и его правительство ограничивали свободу проведения митингов и участие оппозиции в выборах. Поводом к усилению давления на оппозицию служил мотив сохранения относительной стабильности на фоне политических кризисов в Таджикистане, Киргизии, Прибалтике и на Кавказе (1990–1991)¹.

В 1991 г. к угрозе светской оппозиции прибавилась угроза исламистов, набравших силу в Ферганской долине, отчего И. Каримову в декабре того года пришлось присутствовать в Намангане на митинге исламистов вместе с будущим лидером Исламского движения Узбекистана (ИДУ) Т. Юлдашевым и под натиском скандирующей толпы пообещать поднять перед парламентом вопрос об объявлении Узбекистана исламским государством². После распада СССР власти Узбекистана арестовали или вынудили эмигрировать видных деятелей оппозиции и исламского движения.

Помимо исламистов и оппозиционеров, в первые годы правления И. Каримова куда более серьезную угрозу представляли другие члены высшей элиты Узбекистана. В момент вступления в должность первого секретаря он был всего лишь одним из многих партийных руководителей и должен был считаться с другими лидерами, которые могли стать его конкурентами. После того как М. Горбачев стал президентом СССР, И. Каримов оказался первым из лидеров республик, кто ввел должность президента и занял ее по совместительству с постом первого секретаря компартии, таким образом укрепив свою власть. После провозглашения независимости Республики Узбекистан (еще фактически в составе СССР) И. Каримов предпринял еще один шаг для укрепления своей власти: 26 сентября 1991 г. он издал указ об упразднении союзно-республиканского КГБ Узбекской ССР и образовании Службы национальной безопасности Узбекистана с подчинением ее президенту. Этот указ вызвал опасение, что Узбекистан движется в сторону утверждения единоличной диктатуры, и по инициативе группы депутатов (за которой стоял предположительно вице-президент Ш. Мирсаидов) Верховный Совет республики безуспешно продвигал вопрос об отставке президента³. После распада Советского Союза, в январе 1992 г., И. Каримов упразднил пост вице-президента и в дальнейшем окружил себя только лояльными людьми и установил бюрократический контроль над элитой и обществом, выстроив строгую вертикаль власти.

В последующие годы И. Каримов всегда реагировал на угрозы власти с повышенной чувствительностью и не раз шел на агрессивные шаги. С середины 1990-х гг. он начал считать опасной популярность имамов и закрыл большое

1 См. например: Правда Востока. 11 января 1991 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://press.natlib.uz/ru/editions/29685> (дата обращения: 22.04.2021); Правда Востока. 15 января 1991 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://press.natlib.uz/ru/editions/29688> (дата обращения: 22.04.2021).

2 Калигулаев 2005, 26–30. См. также: Легендарная съемка. Тахир Юлдаш и Ислам Каримов в Намангане в 1991 году // YouTube. [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=jqf_8zGlrMg (дата обращения: 07.04.2021).

3 Волосевич, А. Четыре срока Ислама Каримова // AsiaTerra. 28 апреля 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.asiaterra.info/obshchestvo/chetyre-sroka-islama-karimova> (дата обращения: 07.04.2021).

количество мечетей. Недовольство верующих мусульман репрессивными мерами привело к пополнению рядов экстремистских организаций, особенно ИДУ, и учащению террористических атак. В конечном счете при помощи выстроенной бюрократической вертикали И. Каримову удалось подавить экстремистскую деятельность в стране. После его смерти в 2016 г. новый президент Ш. Мирзиёев отказался от консервативного курса предшественника и проводит смелые реформы, при этом сохраняя строгую вертикаль власти.

Казахстан: приход к власти Н. Назарбаева как естественного лидера и установление «мягкого» авторитаризма

Н. Назарбаев был избран первым секретарем ЦК КП Казахстана 22 июня 1989 г.¹ На момент отставки Д. Кунаева Н. Назарбаев был уже одним из самых влиятельных политиков в Казахстане² и, естественно, стал лидером казахских политических элит, которые неохотно работали под началом чуждого Г. Колбина. По словам самого Н. Назарбаева, прежний опыт руководства партии (имеется в виду назначение Г. Колбина вопреки мнению казахов) даром не прошел, отчего перед избранием нового первого секретаря «выяснили мнения всех народных депутатов СССР от Казахстана, областных руководителей, выслушали точки зрения представителей интеллигенции республики. Прямо на улицах проводили опрос простых людей»³.

Назарбаевская «оттепель» позволила переосмыслить прежние события в республике: в сентябре 1990 г. Комиссия Президиума Верховного Совета Казахской ССР по окончательной оценке декабрьских событий, созданная по инициативе поэта М. Шаханова, заключила, что «выступления казахской молодежи в декабре 1986 года [...] не были националистическими – это была первая попытка воспользоваться гарантированным Конституцией и декларированным перестройкой правом на свободное выражение гражданской и политической позиции»⁴. Эта новая оценка сблизила руководство республики с общественностью и помогла сплочению не просто казахского, но казахстанского народа. Комиссия выразила надежду на то, что результаты ее работы «послужат преодолению разобщенности и будут способствовать консолидации многонационального народа республики»⁵.

Поведение Н. Назарбаева и других высокопоставленных казахских чиновников во время декабрьских событий было неоднозначным, и в народе иногда считалось, что они тоже несут ответственность за трагическую гибель демонстрантов. Радикальная часть бывших участников событий создала «Желтоксан»

1 По времени избрание Н. Назарбаева совпало с событиями в Новом Узене, где столкнулись группы казахов и выходцы с Северного Кавказа, но эти локальные, хотя серьезные, события существенным образом не повлияли ни на процесс избрания первого секретаря, ни на стиль политического руководства Н. Назарбаева.

2 В 1984 г. Н. Назарбаев стал самым молодым председателем Совета министров союзной республики. По некоторым сведениям, на этот пост его рекомендовал Е. Лигачев (*Темиргалиев, Р.* Назарбаев в июне: ровно 30 лет назад у власти в Казахстане встал Нурсултан Назарбаев [Интервью Сергея Домнина] // *Expert Kazakhstan*. 27 июня 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://expertonline.kz/a16060/> (дата обращения: 07.04.2021)), но через пять лет, Н. Назарбаев в качестве лидера компартии Казахстана занял позицию, сильно отличавшуюся от консервативного курса Е. Лигачева.

3 Назарбаев 1991, 199.

4 Желтоқсан-86 2006, 333.

5 Ibid., 343.

и другие оппозиционные движения, но они остались маргинальными и не составили существенную угрозу властям. Руководителями действительно крупных гражданских движений были близкие к политической элите культурные деятели, такие как поэты О. Сулейменов и М. Шаханов.

Казахстан встретил распад Советского Союза в относительно стабильном положении. Элита была сплоченной и пользовалась поддержкой масс. В первые годы независимости в стране сохранялась свобода слова и оппозиционной деятельности. Депутаты парламента, несмотря на свою лояльность президенту, зачастую критиковали действия правительства. Но власти все-таки решили свести влияние парламента к минимуму: Верховный Совет 12-го созыва под скрытым давлением самораспустился в декабре 1993 г., а Верховный Совет 13-го созыва был объявлен нелегитимным Конституционным судом в марте 1995 г. В течение десяти месяцев отсутствия парламента Н. Назарбаев предпринял ряд кардинальных мер для консолидации власти в своих руках, например, посредством принятия новой конституции. Но, в отличие от И. Каримова, Н. Назарбаев не стремился к полному контролю над политической жизнью в стране, допуская, хотя и в ограниченном формате, плюрализм мнений.

Таджикистан: крах старой власти, гражданская война и установление жесткого авторитаризма

Таджикистан состоит из регионов, которые исторически принадлежали к разным государственным образованияам и культурным ареалам. В советский период образовались элитные группы выходцев из разных регионов, среди которых самой могущественной была группа выходцев с севера (Ленинабадской области). Но после назначения К. Махкамова первым секретарем ЦК КП Таджикистана эта группа раскололась на две: сторонников К. Махкамова и сторонников его предшественника, Р. Набиева. Р. Набиев имел широкие связи с многочисленными представителями таджикской элиты, работавшими в сфере сельского хозяйства, а К. Махкамов по образованию был горным инженером и зависел от второго секретаря ЦК КП Таджикистана П. Лучинского (будущего президента Молдовы) и других руководителей, пришедших из-за пределов республики¹.

События, произошедшие в феврале 1990 г. в Душанбе, стали испытанием для К. Махкамова. Митинг начался с протестов против приезда армянских беженцев из Азербайджана, которым, якобы, должны были предоставить жилье, и пока К. Махкамов отказывался представлять какую-либо информацию и выступить перед протестующими, начались столкновения между молодежью и отрядами МВД. Митинг быстро перерос в протесты против властей. Участники протестов потребовали отставки руководства республики и назначения Б. Каримова, молодого зампреда Совета министров, на одну из высших руководящих должностей. Требование выдвинуть Б. Каримова, выходца из центральной части республики, угрожало политикам с севера. Таким образом, митинг в Душанбе, как и митинг в Алма-Ате в 1986 г., стал местом, где массы требовали решения вопроса

1 Epkenhans 2016, 32–36.

кадрового устройства руководства республики, но в Таджикистане этот вопрос неизбежно носил региональную окраску.

К. Махкамов подал в отставку, но, не получив одобрения на внеочередном пленуме ЦК КП Таджикистана, остался у власти. По некоторым сведениям, Москва тоже колебалась и сначала согласилась с отставкой К. Махкамova¹, но в конце концов силы КГБ СССР подавили протесты. В республике был объявлен режим чрезвычайного положения и проведены выборы в Верховный Совет, на которых коммунисты заняли 223 из 230 мест². На первый взгляд, стабильность была восстановлена, но позиции К. Махкамova сильно пошатнулись. Многие представители политической элиты позже отметили, что действия К. Махкамova создали две предпосылки гражданской войны. Во-первых, подав в отставку и потом изменив решение, политик существенно подорвал доверие населения к власти. Во-вторых, подавлением протестов он продемонстрировал населению, что правящая элита готова пойти на убийства ради сохранения своей власти³.

Противостояние усугубилось не только между властью и оппозицией, но и внутри компартии. В ноябре 1990 г. на первых президентских выборах в Верховном Совете К. Махкамов победил, набрав 131 голос, но Р. Набиев тоже получил немалую поддержку – 89 голосов⁴. Во время путча в Москве в августе 1991 г. К. Махкамов не смог занять однозначной позиции по вопросу непризнания ГКЧП и окончательно потерял доверие населения⁵. Но его отставка не остановила эскалацию кризиса между компартией и оппозицией, и в мае 1992 г. страна окончательно погрузилась в гражданскую войну, которая затянулась на срок более пяти лет.

Гражданская война способствовала созданию внутриполитического ландшафта, не имевшего аналогов в других странах Центральной Азии: оппозиция, ядро которой составили чуждые старой политической элите люди – исламские духовные лидеры и интеллигенция – на некоторое время почти сравнялась в силе с бывшими коммунистами. Такой расклад сил породил чувство реальной угрозы у последних.

В кругу выходцев из коммунистической партии произошли не менее важные изменения: люди с юга, особенно из бывшей Кулябской области (ныне восточной части Хатлонской области), играли ключевую роль в боевых действиях и заняли главенствующую позицию в политике. В результате Э. Рахмонов, который до войны был малоизвестным директором совхоза в Кулябской области, стал председателем Верховного Совета (главой государства на время упразднения должности президента) в ноябре 1992 г. и потом был избран президентом страны на выборах в ноябре 1994 г. Недовольные сменой позиций с кулябцами ленинабадцы поддерживали бывшего премьер-министра страны А. Абдулладжанова,

1 Mullojanov 2016, 253.

2 Erkenhans 2016, 114–133.

3 Интервью автора с представителями таджикской элиты в Душанбе, 2001 г. Также см. интервью с А. Искадаровым в кн.: Дубнов 2019, 126–127.

4 Erkenhans 2016, 134–137.

5 С. Ниязов в Туркменистане и И. Каримов в Узбекистане тоже приняли выжидательную позицию во время путча, но только в Таджикистане, где власть лидера республики была уже шаткой, эта позиция стоила ему должности.

который набрал 40,5% голосов на этих президентских выборах¹. В конечном счете северяне примирились со статусом младшего партнера кулябцев во власти: премьер-министры, как правило, назначаются из их числа. Важно отметить, что в позднесоветское время кулябцы были младшим партнером ленинабадцев и, хотя эти две группы, по сути, поменялись местами во время гражданской войны, преемственность властной элиты сохранялась.

В результате подписанного в июне 1997 г. мирного соглашения власть пошла, на первый взгляд, на большой компромисс, уступив бывшей оппозиции 30% мест в институтах исполнительной власти. Но к этому времени в немалой степени благодаря пропаганде власти в народе сложилось представление о том, что виновником гражданской войны была оппозиция. Поэтому на президентских выборах в ноябре 1999 г. и на парламентских выборах в феврале 2000 г. Э. Рахмонов и его Народно-демократическая партия одержали уверенную победу, а представители бывшей оппозиции постепенно были вытеснены из власти. Но президент и его окружение пошли дальше, и в 2015 г. наконец запретили Партию исламского возрождения Таджикистана, бывшего главного врага в гражданской войне. К этому времени усилилось и давление на других оппозиционеров и инакомыслящих. В итоге Таджикистан, долгое время считавшийся более демократичным, чем Узбекистан, стал куда более репрессивным, чем соседняя страна при Ш. Мирзиёеве.

Киргизия: появление разнородной элиты и повторяющиеся перевороты

По мере радикализации перестроечного курса М. Горбачева первый секретарь ЦК КП Киргизии А. Масалиев все более полагался на Е. Лигачева. Но в республике появились реформистские и беспартийные политические деятели, которые активно работали на Съезде народных депутатов СССР и в Верховном Совете Киргизской ССР. В мае 1990 г. было создано Демократическое движение Кыргызстана (ДДК).

Как и душанбинские события для К. Махкамова, настоящим испытанием для А. Масалиева стали ошские события – столкновения между киргизами и узбеками на юге республики в июне 1990 г. Это были самые масштабные из межнациональных конфликтов в Центральной Азии в период перестройки. Требования участников ошских событий в основном касались решения локальных проблем в Ошской области, но резонанс быстро дошел до столицы Фрунзе (ныне Бишкек) и способствовал дестабилизации политической обстановки во всей республике. Лидерам ДДК, руководившим митингом во Фрунзе и выступившим с требованием отставки А. Масалиева, одновременно удалось успокоить разгневанную толпу, тогда как А. Масалиев ограничился произнесением речи с балкона здания ЦК². По приезде в город Узген, одну из самых горячих точек конфликта, А. Масалиев даже не вышел из бронированного автомобиля к разгневанной толпе узбеков³.

1 Сообщение Центральной избирательной комиссии по выборам Президента Республики Таджикистан // Народная газета. – 1994 – 16 ноября. – С. 1.

2 Huskey 1995, 817–818, 827.

3 Интервью с А. Акаевым в кн.: Дубнов 2019, 243.

На 28-м съезде КПСС, состоявшемся в июле, А. Масалиев переложил ответственность за трагедию на «новые движения и объединения», которые возбуждали национализм и «сепаратистские настроения». Он также подчеркнул «крайнюю необходимость сильного центра» и призвал к открытой наступательной борьбе с политическими оппонентами компартии, продемонстрировав непонимание политических реалий наступившего нового времени¹.

Падение доверия населения к руководству республики из-за неадекватной реакции на ошские события не только активизировало оппозицию, но и усугубило противостояние внутри компартии. На первых президентских выборах, прошедших в Верховном Совете республики в октябре 1990 г., в первых двух турах голосования А. Масалиев получил больше голосов, чем любые другие кандидаты, но не набрал большинства. Эта ситуация произошла из-за того, что председатель Совета министров А. Джумагулов от имени бюро ЦК компартии и всей партийной группы предложил кандидатуру А. Масалиева, но когда другие депутаты предложили кандидатуру самого А. Джумагулова, он не отказался по заранее достигнутой договоренности с демократической группой депутатов и отобрал голоса у руководителя своей партии. Новые туры голосования были проведены с новыми кандидатурами, и в результате победу одержал А. Акаев, президент Академии наук Киргизской ССР². А. Акаев активно критиковал руководство компартии республики, хотя и был членом ЦК КП Киргизии и ЦК КПСС.

А. Масалиев, которому не хватило всего 4 голоса, чтобы стать президентом, остался первым секретарем компартии до апреля 1991 г., и в стране ненадолго образовалось двоевластие. Авторитет компартии со временем еще больше упал и окончательно был потерян в результате ее откровенной поддержки Августовского путча 1991 г. Однако и сам А. Акаев, который до избрания президентом республики не работал в руководстве партии и правительства, не имел прочной опоры в элите. При этом для него, пришедшего к власти на волне демократизации, было исключено применение узбекской (каримовской) модели быстрого вытеснения неугодных элементов.

После распада Советского Союза А. Акаев, надеясь на финансовую помощь развитых западных стран, провел радикальные политические и экономические реформы. В итоге он подорвал структуру старой элиты, но не смог сплотить новую: в результате рыночных реформ в элиту вошли представители бизнеса с различными интересами. С середины 1990-х гг. А. Акаев неоднократно предпринимал шаги к концентрации власти в своих руках, но имитация им авторитаризма и плохая репутация его семьи играли на руку оппозиции и оттолкнули немало соратников президента. В марте 2005 г. представители разнородной элиты, которым удалось мобилизовать сторонников деньгами и связями, свергли А. Акаева («тюльпановая революция»)³. Последующие президенты тоже не смогли укрепить свою власть: К. Бакиев (2005–2010) и С. Жээнбеков (2017–2020) ушли с по-

1 XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 2–13 июля 1990 года: Стенографический отчет. Т. 1. – С. 452–455 // Архив Института теории и истории социализма. [Электронный ресурс]. URL: http://soveticus5.narod.ru/85/xxviii_1.htm (дата обращения 30.04.2021).

2 Эркебаев 1997, 65–72.

3 Radnitz 2010.

литической арены на фоне массовых протестов, а А. Атамбаев (2011–2017) после завершения своего срока подвергся политическим преследованиям со стороны своего же преемника.

Туркменистан: беспрепятственное сосредоточение власти в руках С. Ниязова

Ситуация в Туркменистане выбивается из общего контекста работы: здесь не было ни политической кампании против старой элиты, инициированной союзным центром, ни крупных межнациональных конфликтов, ни влиятельных оппозиционных организаций. Казалось бы, руководство республики не должно было чувствовать угрозу, которая служила бы поводом для сосредоточения власти, но именно в Туркменистане потом установился один из самых авторитарных режимов в мире. Здесь играла важную роль личность С. Ниязова.

Часто отмечается, что С. Ниязов умел нравиться своим начальникам и вышестоящим органам¹. В бытность свою первым секретарем Ашхабадского горкома компартии (1980–1984) он тесно работал со вторым секретарем ЦК КП Туркмении А. Рачковым. В 1984 г. С. Ниязов стал инструктором отдела организационно-партийной работы ЦК КПСС по рекомендации А. Рачкова. Последний предполагал, что по окончании стажировки С. Ниязова направят на пост первого секретаря обкома или председателя облисполкома, и после двух-трех лет областного опыта он стал бы хорошим руководителем республики. Но С. Ниязов понравился в ЦК КПСС сверх ожидания А. Рачкова, и в марте следующего года он был выдвинут на пост председателя Совета министров Туркменской ССР².

Сразу после его вступления в должность предсовмина несколько министров говорили А. Рачкову, что С. Ниязов слишком жестко ведет заседания, порой позволяя себе оскорблять заслуженных людей, обрывая их на полуслове, отклоняя их предложения в категорической форме. Но предпочтение Москвы в пользу молодых руководителей помогло С. Ниязову (1940 г. р.) продолжить быстрое движение по карьерной лестнице, и он стал первым секретарем ЦК КП Туркмении в декабре 1985 г. Его поведение стало еще более властным. По свидетельству А. Рачкова, С. Ниязов проводил совещания часто и сам долго говорил, а когда выступали другие, обрывал их. Он очень не любил, когда кто-то ему возражает или вносит предложения иные, чем у него самого. В результате активность участников совещаний стала слабой, и инициатива подчиненных угасла³.

Хотя в Туркменистане Москва не инициировала такую массовую кадровую чистку, как в Узбекистане и Казахстане, С. Ниязов сам не доверял тем, кто работал с его предшественником. Он сменил или подверг преследованию значительное

1 Horák 2016, 36.

2 Рачков 2018, 234, 238, 295, 321. Многие полагают, что союзное руководство, опираясь на биографию С. Ниязова (воспитание в детском доме, учеба в Ленинграде и женитьба на девушке из русско-еврейской семьи), считало его человеком относительно свободным от влияния племенных связей. Кадыров 2003, 136; Horák 2016, 34.

3 Рачков 2018, 332, 441, 450, 461.

число работников партийных, советских и хозяйственных организаций¹. В 1989 г. возникли оппозиционные движения, например, «Агзыбирлик», и хотя они были умеренными и объективно не представляли политической угрозы, С. Ниязов все равно подвергал их преследованию².

Таким образом, в отсутствие угрозы из Москвы, оппозиции и межнациональных конфликтов, С. Ниязов смог быстро сосредоточить власть в своих руках. Разделенная по племенным признакам туркменская элита не могла ничего противопоставить властному и упрямому лидеру. После распада Советского Союза С. Ниязов, больше не заботясь о своей репутации в Москве, установил культ личности, а после его смерти в 2006 г., его преемник Г. Бердымухамедов установил культ уже своей личности, немного изменив политический курс.

Заключение

В данной статье автор произвел «инвентаризацию» факторов, влияющих не только на установление авторитарного и полуавторитарного управления в странах Центральной Азии, но и на типологию авторитарных режимов в регионе.

Во-первых, большое значение имело *вмешательство союзного центра*. В середине 1980-х гг. Москва вмешивалась в кадровую структуру, особенно в процесс избрания первых секретарей компартий во всех республиках Центральной Азии. Вмешательство особенно угрожало целостности элитных групп двух самых значимых республик – Узбекистана и Казахстана. Однако в конечном счете эта угроза сплотила их, а плохое руководство назначенцев заставило Москву признать избрание их преемников из числа политиков, поддерживаемых местными элитами. Это обстоятельство способствовало установлению И. Каримовым и Н. Назарбаевым стабильного авторитарного режима. В других республиках вмешательство Москвы было умереннее, зато не служило поводом для сплочения элит. Кадры, назначенные Москвой в начальный период перестройки, не смогли стабилизировать после возникший политический кризис: слабость К. Махкамова и А. Масалиева одновременно с ослаблением влияния КПСС привела к затяжным политическим кризисам в Таджикистане и Киргизии. В Туркменистане невмешательство Москвы и разобщенность элит при отсутствии дестабилизирующих факторов помогли С. Ниязову установить диктатуру.

Во-вторых, *конкуренция внутри властной элиты*, хотя и существовала во всех центральноазиатских республиках, особенно повлияла на становление режима И. Каримова: иерархия в узбекской элите была нарушена в связи с «хлопковым делом» и появились равно влиятельные партийные функционеры, в среде которых должен был начать работу И. Каримов. Его острая чувствительность к угрозам со стороны политических конкурентов, оппозиционеров и исламистов привела к установлению режима с жесткой вертикалью власти при поддержке основной части элиты. Н. Назарбаев в Казахстане и С. Ниязов в Туркменистане изначально имели превосходство над другими представителями элит, но стили

1 Рыблов 2004; Кадыров 2003, 137; Рачков 2018, 459, 490, 495.

2 Horák 2016, 39–42.

их лидерства отличались: тогда как Н. Назарбаев руководил довольно активной и инициативной элитой, С. Ниязов подавлял инициативу подчиненных и установил диктатуру. В Таджикистане и Киргизии при отсутствии сплоченной элиты конкуренция и угрозы не стали поводом для усиления власти К. Махкамова, А. Масалиева и их непосредственных преемников, а привели к дестабилизации политической обстановки.

В-третьих, можно с уверенностью сказать, что там, где *оппозиция* была относительно слабой (в Туркменистане, Казахстане и Узбекистане), руководителям республик было значительно легче установить авторитарный режим. Однако даже относительно слабая оппозиция может вызвать жесткую реакцию со стороны правящей элиты, и неоднократное подавление оппозиции способствовало дальнейшему усилению авторитаризма в указанных выше странах. В Таджикистане власть пошла на примирение с оппозицией, чтобы закончить войну, однако, навязчивая мысль об угрозе со стороны оппозиции не оставила правящую элиту, что привело к установлению более репрессивного режима.

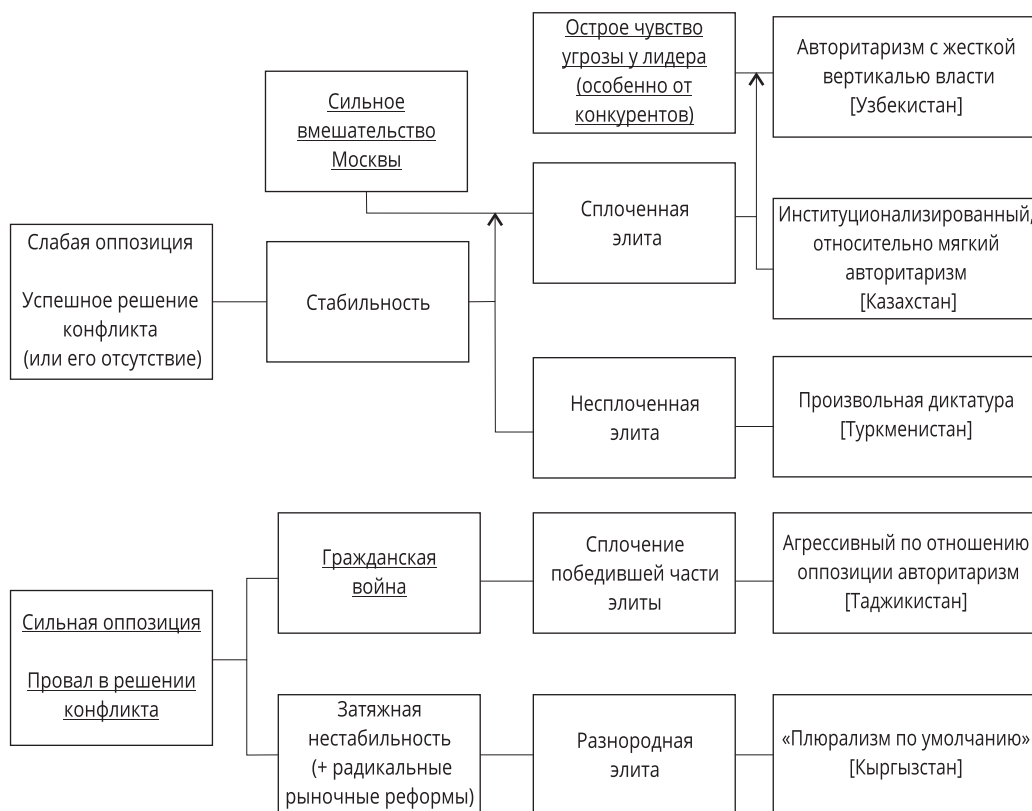
Наконец, в-четвертых, не стоит забывать и про *межнациональные и региональные конфликты*. Декабрьские события 1986 г. в Казахстане произошли тогда, когда власть союзного центра была еще сильна, отчего неспособность Г. Колбина совладать с ситуацией сразу не привела к его смещению. Но недовольство им в казахской элите и народе усилило ожидание нового лидера и подготовило почву для упрочения власти Н. Назарбаева. Стабилизация после ферганских событий помогла И. Каримову упрочить свою власть, а неумелое реагирование К. Махкамова и А. Масалиева на душанбинские и ошские события, соответственно, усугубило раскол таджикской и киргизской элит. Таким образом, не сами конфликты, а умение лидеров реагировать на них определило дальнейшее политическое развитие центральноазиатских республик. Хотя при этом в Таджикистане произошла смена позиций между ленинабадцами и кулябцами, старая элита проявила определенную устойчивость, и после гражданской войны Э. Рахмонов смог установить сначала мягкую, потом жесткую авторитарную власть. Подобное установление авторитаризма после войны на основе сплочения существенной части старой элиты наблюдалось и в Азербайджане. В Киргизии реформы А. Акаева, приведшие к демонтажу старой элиты, породили раздробленную новую. А повторяющиеся конфликты с 2005 г. не стали фактором его консолидации, а, наоборот, еще больше укрепили ситуацию «плюрализма по умолчанию»¹. Ситуацию, когда уже разложенную элиту не могут сплотить конфликты и войны, можно наблюдать и в Грузии и Украине. Такое состояние вполне соотносится с примерами, которые изучает Д. Слейтер в Юго-Восточной Азии.

Ниже (Рисунок) схематично представляем влияние различных угроз на становление политических систем стран Центральной Азии.

1 Way 2015.

Рисунок.

**ФАКТОРЫ СТАНОВЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ
В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**
FACTORS OF POLITICAL SYSTEM FORMATION IN THE CENTRAL ASIAN STATES

Источник: составлено автором.

Комментарий: подчеркнуты виды угроз для лидера и/или правящей элиты.

Схема позволяет наглядно представить, что угрозы извне или от конкурентов сплавляют элиту и образуют основу сильной авторитарной власти, тогда как продолжающиеся угрозы, способствующие расколу внутри элиты, приводят к массовым конфликтам или образованию относительно демократичной, но нестабильной системы. Как видно, процесс влияния угроз на становление политических систем зависит от множества субъективных факторов, а также предпосылок, сложившихся в более ранние периоды, но этот вопрос выходит за рамки настоящей статьи.

Мы не утверждаем, что структура политических систем стран Центральной Азии была целиком predetermined в период перестройки – процессы трансформации этих систем в годы независимости тоже нельзя игнорировать. Но все же ситуация в период перестройки и сразу после распада СССР заложила основу нынешнего политического устройства стран Центральной Азии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Дубнов, А. Почему распался СССР: вспоминают руководители союзных республик. – М.: Индивидуум, 2019. – 304 с. [Dubnov, A. *Why the USSR Collapsed: Leaders of the Soviet Republics Recall* [Pochemu raspalsya SSSR: vspominayut rukovoditeli soyuznyh respublik]. Moscow: Individuum, 2019] [In Russian].
- Желтоқсан-86. Книга 9: сборник документов. – Алматы: ОФ «Фонд Алтынбека Сарсенбайұлы», 2006. – 360 с. [The Jeltoqsan. Volume 9: Documents [ZHeltoqsan-86. Kniga 9: sbornik dokumentov], edited by B. Abdygaliev. Almaty: OF «Fond Altynbeki Sarsenbajuly», 2006] [In Russian].
- Кадыров, Ш. «Нация» племен: этнические истоки, трансформация, перспективы государственности в Туркменистане. – М.: [6. и.], 2003. – 363 с. [Kadyrov, Sh. *Tribal "Nation": Ethnic Origins, Transformation, and Prospects for Statehood in Turkmenistan* [«Naciya» plemen: etnicheskie istoki, transformaciya, perspektivy gosudarstvennosti v Turkmenistane]. Moscow, 2003] [In Russian].
- Калигулаев, М. Дорога к смерти больше, чем смерть. – Wolverhampton: Black Quadrat, 2005. – 360 с. [Kaligulaev, M. *The Road to Death is Greater Than Death* [Doroga k smerti bol'she, chem smert']. Wolverhampton: Black Quadrat, 2005] [In Russian].
- Левитин, Л.И. Узбекистан на историческом повороте: Критические заметки сторонника Президента Ислама Каримова. – М.: Вагриус, 2001. – 352 с. [Levitin, L.I. *Uzbekistan at a Historical Turn: Critical Notes of a Supporter of President Islam Karimov* [Uzbekistan na istoricheskom povorote: Kriticheskie zametki storonnika Prezidenta Islama Karimova]. Moscow: Vargius, 2001] [In Russian].
- Назарбаев, Н. Без правых и левых. – М.: Молодая гвардия, 1991. – 254 с. [Nazarbaev, Nursultan. *Without Right and Left* [Bez pravyykh i levyykh]. Moscow: Molodaya Gvardia, 1991] [In Russian].
- Рачков, А.И. Дневник второго секретаря ЦК КП Туркмении. Кн. 2. – М.: Патриот, 2018. – 536 с. [Rachkov, A.I. *Diary of the Second Secretary of the Central Committee of the Communist Party of Turkmenistan* [Dnevnik vtorogo sekretarya CK KP Turkmenii]. Vol.2. Moscow: Patriot, 2018] [In Russian].
- Ризаев, С. Шараф Рашидов: Штрихи к портрету. – Ташкент: Ёзув-Нур, 1992. – 271 с. [Rizaev, S. *Sharaf Rashidov: A Touch for the Portrait* [SHaraf Rashidov: SHtrih i k portretu]. Tashkent: Evzuchi-Nur, 1992] [In Russian].
- Рыблов, В. Туркменская трагедия. – М.: РГО, 2004. – 238 с. [Ryblou, V. *The Turkmen Tragedy* [Turkmenskaya tragediya]. Moscow: RGO, 2004] [In Russian].
- Усубалиев, Т.У. Надо знать прошлое, чтобы не ошибаться в будущем. – Бишкек: Шам, 1996. – 423 с. [Usubaliev, T.U. *One Must Know the Past in order not to Make Mistakes in the Future* [Nado znat' proshloe, chtoby ne oshibat'sya v budushchem]. Bishkek: Sham, 1996] [In Russian].
- Эркебаев, А. 1990 год: приход к власти А. Акаева. – Бишкек: Кыргызстан, 1997. – 634 с. [Erkebaev, A. *1990: Akaev's Rise to Power* [1990 god: prihod k vlasti A. Akaeva]. Bishkek: Kyrgyzstan, 1997] [In Russian].
- Carlisle, Donald S. "Power and Politics in Soviet Uzbekistan: From Stalin to Gorbachev." In *Soviet Central Asia: The Failed Transformation*, edited by William Fierman, 93–130. Boulder: Westview Press, 1991.
- Chida Tetsuro. "Sorenpo chuo-Kazafusutan kankei no hensen (1980–1991): To erito jinji dokō wo sozai to shite" [The Central-Republican Relationship and Party Elites in the Soviet Union: Kazakhstan (1980–1991)]. *Suravu Kenkyū* 51 (2004): 29–61 [In Japanese].
- Chida Tetsuro. "Trust in Cadres' and the Party-Based Control in Central Asia during the Brejnev Era." In *Development in Central Asia and the Caucasus: Migration, Democratisation and Inequality in the Post-Soviet Era*, edited by Sophie Hohmann et al., 47–79. London: I.B.Tauris, 2014.
- Collins, Kathleen. *Clan Politics and Regime Transition in Central Asia*. New York: Cambridge University Press, 2006.
- Critchlow, James. "Prelude to 'Independence': How the Uzbek Party Apparatus Broke Moscow's Grip on Elite Recruitment." In *Soviet Central Asia: The Failed Transformation*, edited by William Fierman, 131–156. Boulder: Westview Press, 1991.
- Epkenhans, Tim. *The Origins of the Civil War in Tajikistan: Nationalism, Islamism and Violent Conflict in Post-Soviet Space*. Lanham: Lexington Books, 2016.
- Fish, Steven M. "Democratization's Requisites: The Postcommunist Experience." *Post-Soviet Affairs* 14, no. 3 (1998): 212–247.
- Hale, Henry E. *Patronal Politics: Eurasian Regime Dynamics in Comparative Perspective*. New York: Cambridge University Press, 2015.
- Horák, Slavomír. "Turkmenistan at the Last Stage of Perestroika: Determinants of an Authoritarian Path." *Cahiers d'Asie centrale* 26, (2016): 29–49.
- Isaacs, Rico. *Party System Formation in Kazakhstan: Between Formal and Informal Politics*. London: Routledge, 2011.
- Jones Luong, Pauline. *Institutional Change and Political Continuity in Post-Soviet Central Asia: Power, Perceptions, and Pacts*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Markowitz, Lawrence P. *State Erosion: Unlootable Resources and Unruly Elites in Central Asia*. Ithaca: Cornell University Press, 2013.
- McFaul, Michael. "The Fourth Wave of Democracy and Dictatorship: Noncooperative Transitions in the Post-Communist World." *World Politics* 54, no. 2 (2002): 212–244.
- McGlinchey, Eric. *Chaos, Violence, Dynasty: Politics and Islam in Central Asia*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2011.
- Mullojanov, Parviz. "February 1990 Riots in Tajikistan: Who Was Behind the Scenes? Review of the Main Existing Versions." *Cahiers d'Asie centrale* 26, (2016): 247–272.
- Pop-Eleches, Grigore. "Historical Legacies and Post-Communist Regime Change." *The Journal of Politics* 69, no. 4 (2007): 908–926.
- Radnitz, Scott. *Weapons of the Wealthy: Predatory Regimes and Elite-Led Protests in Central Asia*. Ithaca: Cornell University Press, 2010.
- Sharafutdinova, Gulnaz. *Political Consequences of Crony Capitalism inside Russia*. Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press, 2010.
- Slater, Dan. *Ordering Power: Contentious Politics and Authoritarian Leviathans in Southeast Asia*. New York: Cambridge University Press, 2010.
- Way, Lucan. *Pluralism by Default: Weak Autocrats and the Rise of Competitive Politics*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2015.

Примечание редакции

В тексте сохранен стиль высказывания автора.

Сведения об авторе

Томохико Уяма,

профессор Центра славянско-евразийских исследований, Университет Хоккайдо, Япония,
Саппоро, Kita 9, Nishi 7, Kita-ku 060-0809.

e-mail: uyama@slav.hokudai.ac.jp

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 28 февраля 2021. Принята к публикации: 29 апреля 2021.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Сведения о финансировании

Статья выполнена при грантовой поддержке JSPS KAKENHI 18H03619.

Цитирование

Уяма, Т. Влияние перемен периода перестройки на становление политических систем стран Центральной Азии: чувство угрозы и авторитаризм // Международная аналитика. – 2021. – Том 12 (1). – С. 55–73.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-1-55-73>

Origins of the Differences in Political Systems of the Central Asian States: Threat Perception in the Perestroika Period

ABSTRACT

Using the “path-dependence” concept and D. Slater’s thesis on the consolidation of elites around national threats, the author examines the factors influencing the formation of different authoritarian political systems in the Central Asian states. A critical aspect of the formation of political systems in this region was the events from the mid-1980s to the collapse of the Soviet Union. In terms of the structure of the study, the article consistently examines how interethnic and other political conflicts demonstrated the (un)ability of leaders to cope with crises. In particular, it shows that the inability to cope with political challenges in Kyrgyzstan marked the beginning of “pluralism by default.” Moscow’s involvement in the personnel issues in the republics, especially in Uzbekistan and Kazakhstan, undermined local elites and increased the overall sense of threat to political stability, which eventually rallied elites and gave rise to expectations of a strong leader. We also note that a notably fortified power hierarchy was established where the new national leader perceived threats from his political rivals (in Uzbekistan). Conversely, the existence of a strong opposition prevented the rapid establishment of authoritarianism. In Tajikistan, for example, a split of the elite led to a civil war, but due to the greater stability of its governmental wing, the president subsequently managed to establish a hard authoritarian regime. In Turkmenistan, the country’s leader took advantage of the lack of threats to establish a dictatorship. Thus, external challenges contribute to the consolidation of elites, while the risks of internal competition contribute to the concentration of power in the hands of an authoritarian leader. On the contrary, prolonged threats divide elites, lead to mass conflicts or the formation of a relatively democratic but unstable system of state power.

KEYWORDS

Central Asia, perestroika, conflict, elite cohesion, threat perception, path dependence, authoritarianism

Editorial note

The text retains the style of the author’s saying.

Author

Tomohiko Uyama,

Professor, Slavic-Eurasian Research Center, Faculty Member, Studies Central Asian Studies, Russian History, and Comparative Politics, Japan, Sapporo, Kita 9, Nishi 7, Kita-ku 060-0809.

e-mail: uyama@slav.hokudai.ac.jp

Additional information

Received: February 28, 2021. Accepted: April 30, 2021.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was declared by the author.

Funding

The research is conducted under the grant JSPS KAKENHI 18H03619.

For citation

Uyama, Tomohiko. “Origins of the Differences in Political Systems of the Central Asian States: Threat Perception in the Perestroika Period.” *Journal of International Analytics* 12, no. 1 (2021): 55–73.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-1-55-73>